

ВИКТОР МАЗИН

СЕКСУАЛЬНОСТЬ В ГЛОТКЕ РЕАЛЬНОСТИ

Онейрокритика
Лакана

Лакановские
тетрады

Лакановские тетради

Виктор Мазин

**Сексуальность в
глотке реальности.
Онейрокритика Лакана**

«Алетейя»

2022

УДК 159.964.2
ББК 88.6

Мазин В. А.

Сексуальность в глотке реальности. Онейрокритика Лакана /
В. А. Мазин — «Алетейя», 2022 — (Лакановские тетради)

ISBN 978-5-91419-543-1

Эта книга представляет собой детальный разбор самого знаменитого сновидения в истории психоанализа - «Об инъекции Ирме». Именно анализ «Ирмы» позволил Фрейду вывести основные положения своей онейрокритики и написать Библию психоанализа - «Толкование сновидений», а Лакану сформулировать свое отношение ко сну, сновидению, реальности. Автор книги, известный психоаналитик Виктор Мазин, следуя логике Лакана, деконструирует одну из фундаментальных оппозиций западной метафизики - оппозицию сновидения и реальности, размечая основные положения психоаналитической онейрокритики. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 159.964.2

ББК 88.6

ISBN 978-5-91419-543-1

© Мазин В. А., 2022

© Алетейя, 2022

Содержание

Вначале будет дополнение	6
Место сновидения	7
Фрейд захвачен сновидением, но его не оставляют сомнения	8
Сновидение о горящем ребенке	9
Тайна призрака отца	10
Ещё раз: что пробуждает?	11
Желание спать и шум потусторонней реальности	12
В пуповине	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Виктор Мазин

Сексуальность в глотке реальности. Онейрокритика Лакана

*«Мы созданы из вещества того же, что наши сны. И сном
окружена вся наша маленькая жизнь».*

В. Шекспир «Буря»

МУЗЕЙ СНОВИДЕНИЙ ФРЕЙДА

Под редакцией Виктора Мазина и Айтген Юран

2-е издание, дополненное

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© В. А. Мазин, 2013

© В. А. Мазин, предисловие, 2021

© Музей сновидений Фрейда, 2013

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2013

Вначале будет дополнение

Начнем с дополнения. Начнем с дополнения к сновидению «Об инъекции Ирме». Именно это сновидение – сквозное, магистральное в книге «Онейрокритика Лакана». Именно оно как парадигматическое сновидение истории психоанализа, можно сказать, занимает центральное место в «Толковании сновидений» Фрейда, даже если у него нет одного места, даже если оно рассеяно по нескольким главам книги.

Однако есть в «Толковании сновидений» другое сновидение, заслуживающее занять место ещё одной магистрали, проложенной в психоаналитической Библии. Это сновидение, которое известно в истории психоанализа как «Отец, разве ты не видишь, я горю», или как сновидение о горящем ребенке. Принимая его в расчет, можно сказать, что мы имеем дело с двумя множественными центрами «Толкования сновидений», децентрирующими друг друга, «Ирмой» и «Горящим ребенком». Такое распределение соответствует и отмеченному Фрейдом маршруту в шести первых главах, и иному пути, которому он следует в заключительной седьмой главе.

Сновидение «Отец, разве ты не видишь, я горю» заслуживает отдельной книги, которая могла бы называться «Онейрокритика Лакана – 2», но мы ограничимся этим дополнением и постараемся сделать его максимально кратким. Итак, чем значимо это сновидение? Куда оно читателя ведет?

Место сновидения

Чтобы ответить на эти вопросы, прежде всего обратим внимание на то место, какое сновидение это занимает в книге. Напомним, в «Толковании сновидений» семь глав, и последняя, седьмая, занимает в ней совершенно особое место. Если шесть глав посвящены проблематике сновидений, то заключительная глава должна открыть окно в психику субъекта, в его психический аппарат. Эта принципиальная глава и начинается со сновидения «Отец, разве ты не видишь, я горю», и Фрейд обращается к нему далеко не раз. Можно сказать, вся седьмая глава прострочена этим сновидением. Обращает внимание на местоположение «Горящего ребенка» и Лакан в своем семинаре «Четыре фундаментальных понятия психоанализа» (1964), в котором он также вновь и вновь возвращается к этому сновидению. Лакан, к слову, вообще не так часто обращается к анализу сновидений. Однако в этом, столь важном для него семинаре он то и дело возвращается то к Ирме, то к горящему ребенку. Более того, в связи с этим сновидением Лакан рассказывает свой собственный сон, и мы к нему еще, конечно же, обратимся.

Вот что по-настоящему удивительно в связи с этим сновидением о горящем ребенке. Это – не сновидение Фрейда, и, более того, вообще не ясно, чье оно. Фрейду его рассказала пациентка, которая услышала его на лекции, а затем умудрилась увидеть, воспроизвести его как свой собственный сон. Несмотря на то, что сновидение это невозможно подвергнуть анализу, поскольку субъект, его увидевший, остается за кадром, оно оказывается в принципиальном месте «Толкования сновидений», более того, именно оно меняет общий маршрут книги.

Напомним, метафора всей книги – прогулка, путешествие, о чем Фрейд сообщает своему другу Флиссу 6 августа 1896 года. Как только начинается седьмая глава, Фрейд тотчас заявляет, что самая удобная и приятная часть путешествия позади. Что впереди? Впереди – «все наши тропы будут вести в темноту» [1:513]. Именно здесь начинается катабасис, именно здесь находится спуск к Ахеронту, обещанный Вергилием в эпитафии к «Толкованию сновидений».

Начиная со сновидения о горящем ребенке, все пути погружаются во мглу. Что имеет ввиду Фрейд? А то, что невозможно

«объяснить сновидение как психический процесс, ибо “объяснить” – означает свести к известному, а в настоящее время нет такого психологического знания, с которым мы могли бы соотнести то, о чем в качестве основы объяснения можно сделать выводы из психологической проверки сновидений» [1:513].

Так сновидение «Отец, разве ты не видишь, я горю» обнаруживается в том месте книги, где мы оказывается перед уравнением с двумя неизвестными – сновидением и психическим аппаратом. Это сновидение своей кажущейся прозрачностью отмечает тупик, из которого предстоит искать выход. Выход этот – вход в психический аппарат. И выход этот обернется ни больше ни меньше как деконструкцией господствующего в Западном мире представления о реальностях, бодрственной и сновидческой.

Фрейд захвачен сновидением, но его не оставляют сомнения

Фрейд захвачен сновидением «О горящем ребенке», в том числе тем, что смысл его дан *как бы* в незамаскированной форме. Смысл – в исполнении желания. Но в то же время психоаналитик не перестает сомневаться. Лакан говорит о том, что Фрейд идет картезианским путем, поскольку в центре его внимания – достоверность, *Gewißheit*. Вопрос в том, на что мы можем положиться, в чем именно можем мы в этом мире быть уверены? Фрейд подчеркивает, что мы всегда уже имеем дело с рассказом о сновидении, а не с собственно сновидением; да и для Лакана между переживанием сновидения и его пересказом – пропасть.

Сомневаясь, Фрейд, а вместе с ним и Декарт, мыслят; их уверенность опирается на сомнение. Однако это, разумеется, не значит, что между двумя теориями субъекта нет разницы, ведь *cogito* Фрейда находится не в том же регистре, что *ergo sum. Cogito*. «мыслю» Фрейда принадлежит бессознательному, и утверждая достоверность области этой негативности, он делает, по словам Лакана, тот решительный шаг вперед, который радикальным образом меняет нашу картину мира. Фрейд переворачивает картезианские представления о субъекте, а значит и о мире. Бессознательное, между тем, имеет, как говорит Лакан, структуру зияния, более того – онтологическую функцию зияния, *béance*. И функция этого явления – в сопряжении с реальным.

Кроме того, как не раз будет подчеркивать Лакан, *cogito* Фрейда – это его *desidero*. и формула его: мыслю, значит, желаю. Иначе говоря, мысль – это всегда уже мысль-желание. В сновидении сказывается бессознательная мысль, *мысль*, «обнаруживающая себя собственным отсутствием» [4:42]. Мысль в сновидении может и присутствовать, но чаще она предстает как отсутствующая, *comme absente*, скрытая в искаженном представлении на другой сцене, на сцене бессознательного. Так, даже если мысль не обнаруживается как таковая, она представлена – в своем отсутствии – на другой сцене. И формула звучит уже по-другому: мыслим, значит, существую. Или иначе: желаем, следовательно, признан; признан, значит, существую.

Мысль и бытие расходятся в стороны, раскрывая интервал, зияние, пробел. К вопросу о субъекте, его мысли и его бытии в понимании Декарта и Фрейда Лакан обращается во второй части своей статьи «Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда». Вот как звучит принципиальная формула Лакана: «я не есмь там, где я игрушка моей мысли; о том, что я есмь, я мыслю там, где я и не думаю мыслить» [2:74]. Что Лакан понимает под бытием? То, что в его алгоритме субъекта оказывается под чертой.

В алгоритме этом субъект – означающее (S_1) представляющее его другим означающим (S_2), при том что бытие расщепленного субъекта (\$) оказывается под разделительной чертой. Бытие недоступно, оно *всегда уже* находится на оборотной стороне ленты Мёбиуса. Бытие – «это собственно реальное, настолько насколько оно проявляется на уровне символического» [3:482]. Бытие проявляется в интервалах, бытие и есть интервал, разрез, пробел. И здесь с еще большим основанием можно говорить об онтологической функции зияния. Пробел, купюра, пропуск в символическом – бытие. Бытие вырезано в символическом.

Между бытием и мыслью – раскол. Субъекту не встретиться со своим бытием? Не совсем так, поскольку к бытию приближает метафора, позволяющая разделительную черту преодолеть. Не совсем так, поскольку символическая ткань мышления может вдруг распасться, и субъект окажется на краю пропасти своего бытия. Где это может случиться? В сновидении.

Сновидение о горящем ребенке

Фрейд захвачен сновидением, содержанием которого является встреча отца и сына. Да, Фрейд в «Толковании сновидений» не раз подчеркивает, насколько значимым событием для сына оказывается смерть отца, оказывается для него, Зигмунда Фрейда, а также для Эдипа, для Гамлета и для «отца, который не знал, что он умер» (это сновидение – вместе с Эдипом и Гамлетом – будет важно для Лакана в VI семинаре). Однако в данном сновидении, в сновидении о горящем ребенке, история противоположная: отец сталкивается со смертью сына.

Предварительные условия этого, как пишет Фрейд, «служащего образом сновидения» таковы: отец сидел день и ночь у постели своего больного ребенка, но ребенок умер, и после его смерти отец уходит спать в соседнюю комнату и оставляет дверь открытой, чтобы из своей спальни видеть помещение, где лежит в гробу тело ребенка, окруженное большими свечами. Возле гроба сидит старик, которого специально для этого наняли. Отец проспал несколько часов и увидел сон:

*«Ребенок стоит у его кровати, берет его за руку и с упреком шепчет ему.
“Отец, разве ты не видишь, я горю?”» [1:511].*

Отец тотчас просыпается, замечает яркие всполохи света в комнате с телом покойного, спешит туда и видит, что старик уснул, а одежда и рука покойного обгорели от упавшей свечи. Здесь и возникает основной вопрос, которым задаются Фрейд и Лакан в связи с этим сновидением: что пробуждает сновидца? Какое желание противодействует *желанию спать*? Или дело совсем не в желании?

Для начала Фрейд соглашается с самой простой интерпретацией, с той, которую высказали лектор и прослушавшая лекцию пациентка: отсвет свечи в реальности разбудил отца, который к тому же лег спать, волнуясь, что старик тоже может уснуть. Реальность пробуждает, и волнение отца его к этому пробуждению подготовило. Однако Фрейд не совсем удовлетворен такой интерпретацией, поскольку она противоречит желанию отца увидеть сына живым и здоровым. Где он мог встретить сына живым и здоровым? Только во сне. И отец встречает сына во сне, тот подходит, берет его за руку, говорит. Почему же тогда отец просыпается?

Фрейд обращается к содержанию сновидения, которое должно быть, во-первых, сверхдетерминированным, во-вторых, связанным с бодрственной реальностью. Так что слова, сказанные сыном, представляют собой остатки дневных впечатлений, *Tagesreste*. останки, столь значимые для отца. Причем, следуя логике анализа, логике расчленения на детали, слова «Я горю» могут быть связаны с жаром, с болезнью, которая привела ребенка к смерти; а слова: «Отец, разве ты не видишь?» могут отсылать к другому эпизоду. Понятно, что в собранной из двух элементов фразе звучит откровенный упрек отцу в том, что он не замечает, не видит жар, пожар, охвативший сына.

Фрейд стремится еще прочнее укоренить реальность сновидения в реальности бодрственной. Отец отправляется из бодрственной реальности в сновидческую на встречу с сыном. И во сне мертвый ребенок оживает. Он подходит к кровати, берет отца за руку, обращается к нему. Так сновидение становится, казалось бы, местом желанной встречи отца и сына. В общем, Фрейд с Лаканом на пару говорят: отец не должен был проснуться. Его желание сбылось, что же от него бежать?

Тайна призрака отца

Объяснение мы находим в самом сновидении, в том, что сын упрекает отца, в той тайне, с которой сталкивается отец. В центре этого сна, отмечает Лакан,

«стоит тайна самая страшная, которую можно только себе представить, тайна, связывающая отца с трупом только что умершего его сына. Забывшемуся было во сне отцу является образ сына, является со словами: “Отец, разве ты не видишь, что я горю?”» [4:40].

Тайна связи отца с трупом сына объясняется тем, что отец не досмотрел. Можно ли отцу представить себе, что он причина того, что не он ушел из жизни первым, а его сын, который его в этом и упрекает? *Невозможно*. Реальное, напомним, – невозможное. С другой стороны, можно ли отцу, не исполнившему свой символический долг перед сыном, оставаться в символической матрице сновидения? *Невозможно*.

Итак, что же тогда будит отца? Какая страшная тайна? Ответ Лакана: пробуждает его «не что иное, как отражение, тень, пламенный отсвет самой реальности?» [4:40]. Какой реальности? Сновидческой? Нет. Бодрственной? Тем более нет. Лакан говорит об отсвете той реальности, которая дает о себе знать по ту сторону и одной, и другой реальности. Лакан называет потустороннюю реальность *реальным*. К этому принципиальному месту анализа мы еще не раз вернемся, а пока обратимся к тайне.

Тайна отца – взятый на душу грех, который *невозможно* искупить. Лакан вспоминает других отцов, в первую очередь в связи с двумя ключевыми трагедиями, Гамлета и Эдипа. Испепеляющая отца в сновидении тайна

«вырисовывается и в других точках, фрейдовской топологией обозначенных, – тяжесть грехов отца, тех самых, что гнетут призрака в мифе о Гамлете – мифе, который дублирует для Фрейда миф об Эдипе. На отце, на *Имени отца*, на отцовском *Нет* строятся желание и закон, но наследие отца – это, как справедливо указал Кьеркегор, не что иное, как его грех» [4:40].

Лакан тотчас задается вопросом о причинах явления Гамлету призрака отца. Что заставляет его явиться? Откуда он приходит? Подробно Лакан размышлял об этом раньше, в семинаре «Желание и его интерпретация» (1958–1959). Неупокоенный, обремененный долгами является призрак отца и Человеку-Крысе, случай которого Лакан подвергает анализу в тексте «Индивидуальный миф невротика» (1953). Сын остается с долгами отца, и среди долгов этих есть те, которые сын оплатить не сможет никогда: отец умирает внезапно, оставляя грехи без покаяния. Таково оставленное наследство. Такова семейная тайна. В случае же «горящего ребенка» ситуация перевернутая: не отец, а сын мёртв, не призрак отца является сыну, а призрак сына – отцу, горящий призрак сына, призрак, сжигаемый «тяжестью грехов отца».

Ещё раз: что пробуждает?

Вернемся к самому принципиальному вопросу, что же именно пробуждает отца. Вот как на него отвечает Лакан: «Не делает ли это, *внутри* сновидения, какая-то другая реальность?» [4:65]. Лакан как бы не отвечает на вопрос, а задается еще одним, но на деле в его вопросе, конечно, содержится ответ: отца будит другая реальность. Итак, в сновидении, внутри сновидения есть ещё одна реальность, другая реальность, ещё одна помимо сновидческой онейрореальности. И Лакан уже назвал эту другую реальность. Имя её – *реальное*.

Дальше Лакан воспроизводит упрек сына отцу по-немецки: *Vater, siehst du denn nicht, dass ich verbrenne?* Эти слова Лакан соотносит со звуками, которые доносятся до слуха спящего отца из соседней комнаты, и говорит, что фраза сына содержит куда больше реальности. И фраза эта относится к упущенной реальности, *la realite manquee*:

«Разве не проскальзывает в них та упущенная из виду реальность, которая, собственно смерть ребенка и вызвала? Разве не говорит нам сам Фрейд, что во фразе этой узнается нечто такое, что увековечивает для отца те навеки разлученные теперь с мертвым ребенком слова, которые, по предположению Фрейда, адресованы были отцу в предсмертной горячке?» [4:65].

Слова сына, навеки разлученные с ним, полыхают ярче того пламени, отзвуки которого исходят от гроба. Желание отца увидеть сына живым сбылось, и вот чем оно обернулось, как в одной, так и в другой реальности. Сбывшееся желание обернулось двойным кошмаром. И запечатлевает этот кошмар, замыкая реальности, фраза «Отец, разве ты не видишь, я горю».

Желание спать и шум потусторонней реальности

Фрейд переходит к размышлениям о том желании, которое связывает между собой две реальности. Это – желание спать. Это – всегда уже имеющееся желание, и желание это принадлежит инстанции пред сознательного. Именно оно поддерживает желание увидеть ребенка живым. Так, по логике Фрейда, обе движущие силы сновидения работают в одном направлении: отец не должен просыпаться. Желание спать сопровождается бессознательным знанием. Словами Фрейда: «Я вынужден сделать вывод, что в состоянии сна мы всегда твердо знаем, что нам что-то снится, как знаем и то, что мы спим» [1:572]. Инстанция предсознательного голосом за кадром сна говорит: «Спи спокойно, это всего лишь сон. Не просыпайся!». Эта инстанция поддерживает сон, она знает: следует спать.

Лакан называет желание спать самой большой загадкой среди тех, что Фрейд задал в «Толковании сновидений». Каково место этого желания в работе психики? Принципиальное. В XVII семинаре Лакан пишет: «*Wunsch zu s chlafen*. желание спать – вот чем определяется работа сновидения» [5:69]. Работа эта состоит в постановке мыслей на другой сцене, в смещении и сгущении. Работа сновидения, напомним, создает форму сновидения. Сгущение и смещение Фрейд называет механизмами искажения. Так постановка на другой сцене осуществляется искажением мысли. Деформация задаёт форму, в которую вписано желание, и форма эта определяется желанием спать.

В начале второго раздела седьмой главы «Толкования сновидений», который называется «Об исполнении желаний», Фрейд сразу же возвращается к сновидению о горящем ребенке и говорит, что не всё так просто с учением об исполнении желаний. Со ссылкой на Аристотеля, он подчеркивает, что сновидение в состоянии сна – продолжение бодрственного мышления. Психика никогда не спит, не дремлет. Сновидение мыслит и совершает самые разнообразные психические акты, в том числе и беспокойство, чему примером служит сновидение о горящем ребенке. Сразу за этой мыслью Фрейд описывает, как оно возникает:

«В ответ на мерцание света, падающего ему, спящему в глаза, он делает исполненный беспокойства вывод, что упала свеча и мертвое тело может загореться; этот вывод он превращает в сновидение, облекая его в форму очевидной ситуации, относящейся к настоящему времени» [1:551].

Внешняя реальность не пробуждает отца, напротив, она содействует созданию сна. Исполненный беспокойства вывод превращается в сновидение. Вот толкование этого места «Толкования сновидений» Славоем Жижекком, который ещё плотнее сводит вместе две реальности, внешнюю и внутреннюю, бодрственную и сновидческую:

«...когда дым нарушает сон отца, он быстро конструирует сновидение, инкорпорирующее нарушающий элемент (дым – огонь) для того, чтобы продолжить сон; однако то, с чем он сталкивается в сновидении, было травмой (ответственности за смерть сына), куда более сильной, чем реальность, так что он пробуждается в реальность, чтобы избежать *реального*» [8:58].

Отклонимся теперь на сновидение Лакана, которое он вспоминает в связи с горящим ребенком. Однажды, устав, он задремал, и проснулся от настойчивого стука в дверь, но прежде увидел коротенькое сновидение. Именно стук стал тем элементом, вокруг которого оформилось сновидение, хотя явило оно Лакану кое-что отличное от стука. Лакан просыпается. При этом шум, как подчеркивает Лакан, доносится не до восприятия, а до сознания. Момент пробуждения он называет зиянием, *béance*. Зияние между сознанием и восприятием – тот миг перед окончательным пробуждением, которое зияние это замыкает.

Лакан просыпается от стука в дверь? Важнее другое, а именно то, что стук – причина сновидения. Стук в дверь напоминает Лакану о сновидении «Отец, разве ты не видишь, я горю». Два сновидения связывает шум: сновидение из VII главы «Толкования сновидений», на слух Лакана, целиком выстроено на шуме. Это кажется загадочным. О каком шуме он говорит? О шуме реального. Шум этот, как подчеркивает сновидец, исходит от реального, которое может заявить о себе «любой случайностью, любым звуком» [4:68]. Шум *реального* доносится из соседней реальности, оттуда, где свеча падает в гроб, и реальности там меньше, чем в словах ребенка, словах, вероятно сказанных в предсмертной горячке. Фраза эта, убежден и Фрейд, есть не что иное, как остаток дневных впечатлений, *Tagesreste*. Фраза эта, «Отец, разве ты не видишь, я горю», указывает на то, что Лакан называет пропущенной реальностью, *realite manquee*. и сновидение это, как он говорит, – посвящение пропущенной реальности.

Отец упустил из виду жар, и слова сына в сновидении указывают на причину горячки. То, что реальность эта – пропущена, открывает реальное. Потому Лакан и связывает пропущенную реальность с навязчивым повторением и со случайностью. В этом повторении он обнаруживает пропущенную встречу между сновидением и пробуждением, невозможную встречу между бодрственной и сновидческой реальностями. Между ними – миг пробуждения как разрыв между реальностями, как зияние, *béance*.

Бодрственная реальность, о чем свидетельствуют и сновидение Лакана, и сновидение, которое анализирует Фрейд, не столько будит своим шумом, сколько становится очагом онейрообразования. Сновидение о горящем ребенке формируется в момент нарушения сна светом (Фрейд) или дымом (Жижек). И образованию его содействует желание спать. В конце раздела «Об исполнении желаний» Фрейд продолжает свой анализ «Горящего ребенка»:

«В снах, приводящих к пробуждению, которые перерабатывают внешний чувственный раздражитель таким образом, что он становится сочетаемым с продолжением сна, вплетают его в сновидение, чтобы лишить его требований, которые он мог бы предъявить в качестве напоминания о внешнем мире, действенность желания продолжить спать обнаружить проще всего» [1:572].

Внешний раздражитель вплетается в ткань сновидения и утрачивает свою пробуждающую силу. Желание спать стоит на страже сна. Отец не должен просыпаться. Так мы вновь приходим всё к тому же вопросу: почему отец просыпается? И вновь вопрос этот приводит нас на границу реальности и реального. На сей раз мы доходим до пуповины.

В пуповине

Исполнение желания отца выбрасывает его на край пропасти, на край пуповины сновидения. Пуповина сновидения – место рождения желания, место зарождения субъекта. Точнее, пуповина указывает не просто на родовую связь, но на то, что происходит *до*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.